

УДК 327

НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© 2024 ГОФФЕ Нина Владимировна

Кандидат экономических наук

*Ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических
и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23, E-mail: nina-goffe@yandex.ru*

Поступила в редакцию 08.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В результате технологической революции происходит удвоение реальности, в которой действует современный человек. Многие ресурсы, виды деятельности, государственных и частных услуг переходят в виртуальную среду. Наряду с привычными для людей явлениями окружающего мира возникают их цифровые разновидности, тесно взаимодействующие со своими аналогами из реальной жизни. Статья посвящена цифровому неравенству и цифровой бедности, эволюции подходов к их изучению в отечественной и зарубежной академической литературе. Сделан вывод, что теории, объясняющие их существование, органически дополняют друг друга, давая представление о необходимых и достаточных условиях полноценного участия человека в жизни сетевого общества. Охват новыми технологиями различных слоев населения не был равномерным. Особое внимание в статье уделено факторам, мешающим незащищенным слоям населения внутри Евросоюза в полной мере воспользоваться преимуществами технологических нововведений и полноценно участвовать в жизни общества. Разделение общества на вовлеченных в цифровой отношении и аутсайдеров – большая социальная и политическая проблема, с которой человечеству придется иметь дело в XXI веке.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой разрыв, цифровое неравенство, цифровая бедность, уязвимые слои населения, Евросоюз

DOI: 10.31857/S0201708324060160

Глубокая цифровая трансформация затрагивает все аспекты человеческой жизни¹. Под ее воздействием преобразуются институты власти, бизнес, структура производства и занятости, характер труда, досуга и быта. Цифровизация меняет мировоззрение, ценности, культуру поведения, способы социализации. В современном мире Интернет стал неперенным условием экономической и социальной модернизации². В 2000 г.

¹ Мощный импульс процессу цифровизации повседневной жизни придала пандемия COVID-19. Многие услуги, ранее предоставляемые «лицом к лицу», в результате ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением коронавируса, были переведены в режим онлайн.

² Широкополосное подключение имеет стратегическое значение для роста во всех секторах экономики. По данным Еврокомиссии, увеличение проникновения широкополосной связи на 10% приводит к

доля пользователей Всемирной сети составляла 6,7% жителей Земного шара, к началу апреля 2024 г. – 67,1%. Новые знания и технологии на глобальном уровне и в пределах отдельных стран распространяются неравномерно. В наихудшей ситуации оказались страны с низкими доходами: в 2022 г. только 26% их жителей имели возможность выхода в Интернет. В государствах с высоким доходом этот показатель составил 92%¹.

Умение человека обращаться с цифровыми устройствами и способность к цифровой коммуникации стали крайне важными для полноценного взаимодействия с другими людьми и обществом в целом. Развитие технологии порождает цифровое неравенство и цифровую бедность, создает из социально незащищенных слоев населения цифровую низший класс [Ragnedda, 2020]. В первую очередь это относится к жителям беднейших стран. В менее острой форме похожие проблемы характерны и для европейских государств. В статье рассмотрена эволюция теоретических обоснований существования различий в цифровой оснащенности Евросоюза. Исследование основывается на отечественных и зарубежных работах, посвященных разнообразным формам социального неравенства и бедности [Лункин, 2023; Гладкова, Варганова, 2021; Говорова, 2021; Варганова, 2018; Ragnedda, 2018; Van Dijk, 2017; Ragnedda, 2017; Barrantes Cáceres, 2007], а также на данных ОЭСР и Евростата.

Эволюция теоретических подходов к исследованию цифрового неравенства и цифровой бедности

Теоретическое обоснование социального расслоения в цифровой сфере чаще всего обозначается такими терминами, как цифровой разрыв, цифровое неравенство, цифровая бедность². При этом вопросы цифрового разрыва/неравенства проработаны значительно глубже, чем проблема цифровой бедности.

Термин «цифровой разрыв» появился для описания неравенства в доступе к технологиям во второй половине 1990-х гг. Изучение причин существования в обществе определенных групп, отстающих в использовании ИКТ, основывалось на уже существующих социологических концепциях³ и моделях. Например, теория диффузии инноваций (*Adoption-Diffusion Theory*) объясняет экспансию технологических инноваций от начальных этапов их внедрения до широкого применения. Новая технология сначала осваивается небольшим числом пользователей, затем охватывает большую часть населения и наконец с опозданием доходит до немногочисленных отстающих [Mason, Nacker, 2003]. Преимущество получают те, кто первыми начал применять инновации, а обладатели базового уровня всегда будут вынуждены наверстывать упущенное.

Таким образом, распространение Интернета не уменьшает, а увеличивает социальное неравенство. Категориальное неравенство приводит к неравному распределению

посту ВВП на 1–1,5%. URL: Bridging the digital divide in the EU. Briefing. European Parliamentary Research Service. 12. 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/573884/EPRS_BRI\(2015\)573884_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/573884/EPRS_BRI(2015)573884_EN.pdf) (дата обращения: 19.04.2024).

¹ ITU. Facts and Figures 2022. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2022/11/24/ff22-internet-use/> (дата обращения: 18.04.2024).

² Исследователи оперируют и другими терминами: информационная бедность, цифровая изоляция/включенность.

³ Например, сетевое общество М. Кастельса, социальная стратификация М. Вебера, социальный капитал П. Бурдьё.

ресурсов, что означает различный доступ к цифровым технологиям, который приводит к неравноправному участию в жизни общества и усиливает неравенство и неравномерность распределения ресурсов [Van Deursen, Van Dijk, 2019].

В академической литературе выделяют три уровня цифрового разрыва. В простейшей форме он проявляется в том, что не все люди могут приобрести компьютер или другое устройство для выхода в Интернет. Это касается в основном беднейших и наиболее дискриминируемых слоев населения, что еще больше усиливает их маргинальное положение. Узко технологическое понимание проблемы – характерная черта первого уровня, или так называемого разрыва в доступе [Van Dijk, 2017].

Вместе с превращением Интернета в неотъемлемую часть повседневной жизни, удешевлением доступа к нему пришло понимание, что цифровой разрыв связан не только с наличием или отсутствием аппаратного обеспечения и возможности выхода во Всемирную паутину. Внимание исследователей переключилось на цифровую грамотность, различные способы применения цифровых технологий с учетом социальных, культурных и экономических аспектов, а также мотивации, интересов и навыков работы. Так возник термин «второй уровень цифрового неравенства», или «разрыв в использовании».

Концепция третьего уровня зафиксировала различия имеющих доступ к ИКТ от обладающих цифровой грамотностью в способностях продуктивного использования цифровых технологий в реальной жизни (разрыв в полезности) [Gómez, 2018]). Например, речь идет о возможности взаимодействия через Интернет с государственными службами. Третий уровень цифрового неравенства носит более устойчивый характер. Разрыв в полезности не может исчезнуть со временем в результате большей доступности цифровых устройств и повышения уровня цифровой грамотности. Он подразумевает существование цифрового капитала, который британский следователь М. Рагнетта (в соответствии с теорией П. Бурдьё) определяет как набор внутренних способностей и склонностей (цифровые компетенции), а также внешних ресурсов (цифровые технологии), которые могут быть накоплены и перенесены из одной сферы деятельности в другую [Ragnedda, 2018; Вартанова, Гладкова, 2021].

Цифровой капитал расширяет жизненные возможности, соединяет реальную и виртуальную сферы. Владение цифровыми технологиями способствует социализации, трудоустройству, поиску более качественных рабочих мест, участию в политической жизни, расширению культурного взаимодействия. Цифровой капитал тесно связан с другими видами капитала (социальным, экономическим, культурным, политическим). Неравенство в реальной жизни порождает цифровое, которое может усилить диспропорции, существующие в режиме офлайн. М. Рагнетта продемонстрировал это, объединив веберовский подход к социальной стратификации и концепцию третьего уровня цифрового разрыва [Ragnedda, 2017].

Одна из первых попыток теоретического осмысления цифровой бедности представлена в работе перуанского экономиста Роксаны Баррантес [Barrantes, 2007]. Ее подход основан на базовых потребностях индивида. Только люди, которые обладают достаточной покупательной способностью, могут формировать спрос на товары и услуги ИКТ, если известны выгоды от потребления. Согласно Р. Баррантес, цифровая бедность – это нехватка товаров и услуг, основанных на ИКТ, из-за отсутствия дохода или из-за недостатка знаний о преимуществах их использования.

Р. Баррантес перенесла внимание с неравенства в масштабах общества на индивидуальный уровень и уделила особое внимание тем, кто не использует ИКТ. Это позволило ей прийти к выводу, что к цифровым бедным относятся не все люди с низким доходом. Подростки из небогатых семей активно осваивают современные технологии, а лица с высоким доходом в силу разных причин (возраст, отсутствие подготовки, интереса или мотивации) могут попасть в категорию бедных в цифровом отношении [Barrañtes, 2007: 22].

Сегодня лидером среди европейских стран в изучении цифровой бедности выступает Британия. Рост интереса к проблеме происходит на фоне значительного повышения стоимости жизни в стране, в т. ч. затрат на полноценное индивидуальное цифровое оснащение. Исследования британских экспертов показали, что цифровая бедность тесно связана с тремя уровнями цифрового неравенства и выходит за рамки экономических и технологических факторов. Альянс по борьбе с цифровой бедностью трактует цифровую бедность как неспособность в полной мере взаимодействовать с онлайн-миром, когда, где и как это необходимо человеку¹. Такая трактовка учитывает три уровня цифрового неравенства, поскольку включает отсутствие доступа и навыков. Цифровая бедность усугубляется образовательными, расовыми, языковыми и другими различиями и неравенством в отношении здоровья.

Широкое определение, выработанное Альянсом, конкретизировали эксперты аудиторской и консалтинговой компании «Делойт». Они отнесли к цифровым бедным тех, у кого отсутствуют доступ к надлежащему подключению к Сети в местах проживания, к устройствам для выхода в Интернет из дома (например, к смартфону, персональному компьютеру/планшету), базовые навыки для эффективного взаимодействия в Интернете и возможности регулярно (как минимум раз в неделю) выходить в Интернет (в т. ч. из-за отсутствия уверенности или мотивации)². Теории цифрового неравенства и цифровой бедности дополняют друг друга. Первая объясняет, почему доступ к ИКТ без соответствующего уровня цифрового капитала недостаточен для достижения значимых результатов в жизни. Вторая помогает понять, что доступ в Интернет и умение им пользоваться – необходимые условия для полноценного участия в жизни современного общества, а также выявить уязвимые слои населения.

Цифровое неравенство и цифровая бедность в ЕС

Миллионы граждан Евросоюза продолжают сталкиваться с препятствиями по доступу в Сеть. Усредненные данные по ЕС свидетельствуют, что в начале 2020-х гг. только 8% населения никогда не пользовались Интернетом, а 90% обращались к нему по крайней мере один раз в неделю. При этом 44% не обладали базовыми цифровыми навыками, такими как поиск информации и обработка данных, пользование электронной почтой, создание контента, защита персональных данных, установка программного обеспечения³. На уровне цифровых неравенства и бедности влияет множество факторов. В статье рассмотрены наиболее значимые для доступа уязвимых слоев к ИКТ.

¹ Allmann K. UK Digital Poverty Evidence Review 2022. Digital Poverty Allians. 2022. URL: <https://digitalpovertyalliance.org/uk-digital-poverty-evidence-review-2022/#> (дата обращения: 26.04.2024).

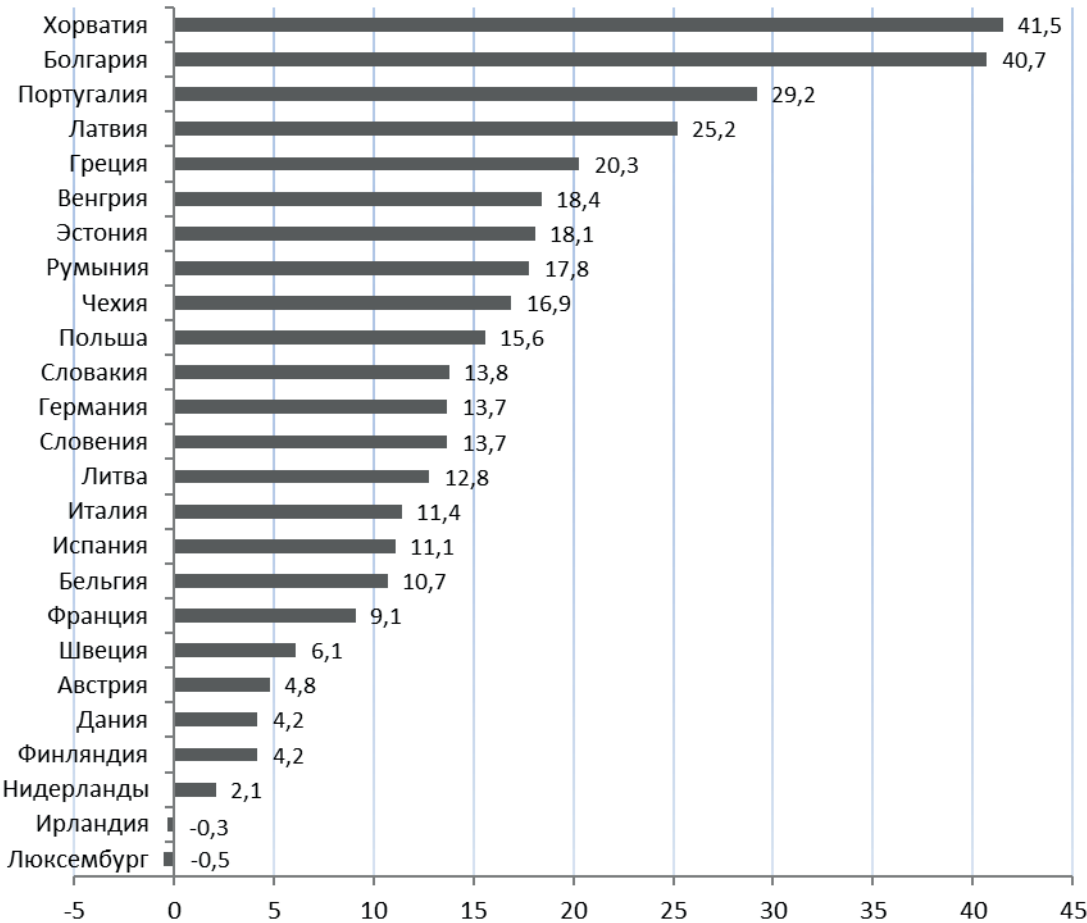
² Digital Poverty in the UK. A socio-economic assessment of the implications of digital poverty in the UK. Deloitte. 09.2023. URL: https://digitalpovertyalliance.org/wp-content/uploads/2023/09/Deloitte-Digital-Poverty_FinalReport_29092023.pdf (дата обращения: 24.04.2024).

³ Digitalisation in Europe – 2024 edition. Eurostat. 2024. DOI: 10.2785/120017

Доход. Различия в уровнях дохода играли решающую роль на заре становления сетевого общества: люди с более высоким доходом могли приобретать и использовать цифровые устройства чаще, чем индивиды с доходом ниже среднего. Сегодня лица, не пользующиеся Интернетом и обладающие меньшими навыками работы с цифровыми технологиями, с большей вероятностью относятся к более уязвимым социальным слоям населения. На рис. 1 страны ранжированы в соответствии с разницей в использовании Интернета домохозяйствами с разными уровнями доходов. В группу стран, где разрыв составляет 11 п.п. и ниже, вошли почти все государства старокapиталистической Европы (кроме Германии, Греции и Португалии). В постсоциалистических странах показатель превышает 13 п.п., а в Болгарии и Хорватии – более 40 п.п.

Рис. 1

Разница в долях пользователей Интернетом в домохозяйствах первой и пятой квинтильных групп распределения доходов. ЕС*, 2023 г., п.п.

* без Кипра и Мальты

Источник: OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier. Paris. OECD Publishing. 2024. P. 91. DOI: <https://doi.org/10.1787/a1689dc5-en>

Из стран, не входящих в Евросоюз, рассмотрена Британия, поскольку только в ней изучению цифровой бедности уделяется особое внимание. Из-за роста цен около 12,2 млн человек (23% населения Соединенного Королевства) вынуждены искать более дешевые тарифные планы. В результате в 2023 г. доля пользователей Интернетом составила 96% (на 3 п.п. ниже, чем в 2022 г.). Сокращение произошло за счет лиц старше 60 лет¹.

Возраст. С 1950-х гг. старение населения – характерная черта развитых стран. В 2001 г. 16% жителей Евросоюза были старше 65 лет². В 2023 г. показатель вырос до 21,3%, а к концу века достигнет почти 32,5³.

С внедрением цифровых технологий и Интернета у пожилых людей появились возможности для улучшения условий повседневной жизни. Наличие компьютера, планшета или смартфона позволяет поддерживать связи с семьей и друзьями, получать доступ к информации и использовать государственные и частные онлайн-сервисы. Это облегчает получение социальных пособий, доступ к медицинским и банковским услугам, покупку товаров, бронирование билетов и т. д. Доля пожилых людей, пользующихся Интернетом, с 2011 г. по 2021 г. выросла почти в 2 раза⁴.

На рисунке 2 европейские страны расположены по убыванию величины расхождений в использовании Интернетом между молодыми и пожилыми людьми. Нидерланды, Дания и Люксембург демонстрируют минимальную разницу возрастных групп – 2 п.п. К ним тяготеют Швеция (около 3 п.п.) и Финляндия (6,4 п.п.). В группе отстающих (30 п.п. и более) – Словакия, Польша, Болгария, Хорватия, Греция и Португалия.

Опрос, проведенный в 2020 г. Национальной статистической службой Британии, показал, что вероятность регулярного использования Интернетом снижается с возрастом: все респонденты от 16 до 34 лет заявили, что они выходят в Интернет ежедневно или почти каждый день. В группе 65 лет и старше этот показатель составил 67%⁵.

Аналогичные процессы характерны для ЕС. Цифровой межпоколенческий разрыв (*grey digital divide*) становится еще более очевидным, когда речь заходит о людях старше 75 лет. Для пожилых людей связь между возрастом и степенью вовлеченности в цифровую реальность носит не линейный, а скорее экспоненциальный характер [Friemel, 2014]. Исследование 2019 г. показало, что в ЕС только 20% человек в возрасте 75 лет и старше пользуются Интернетом хотя бы изредка, что почти в пять раз меньше, чем молодежь 16–29 лет (98%)⁶.

¹ The UK Consumer Digital Index 2023 ...

² Demography of Europe. Statistics visualized. 2021 Edition. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/digpub/demography_2021/ (дата обращения: 05.07.2024).

³ Population structure and ageing. Eurostat. 02.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing#:~:text=During%20the%20period%20from%202023,compared%20with%2021.3%20%25%20in%202023 (дата обращения: 25.05.2024).

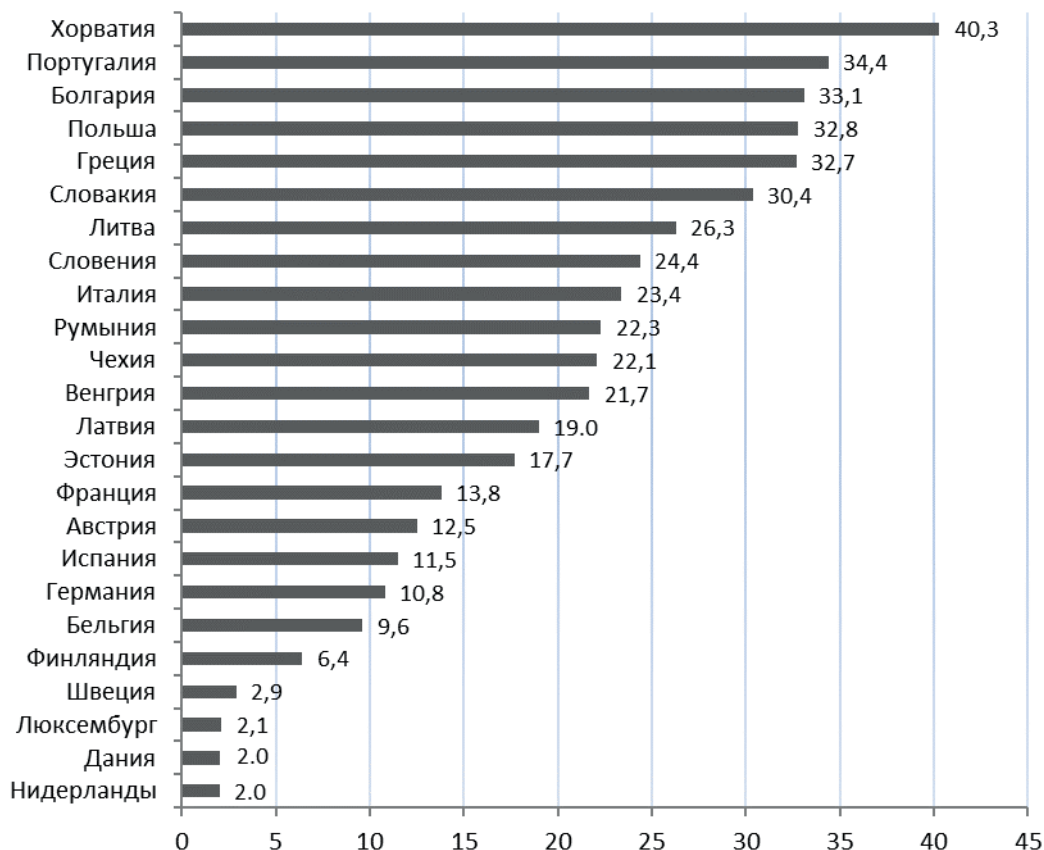
⁴ Fundamental rights of older people: ensuring access to public services in digital societies. FRA. 13.09.2023. URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2023/older-people-digital-rights> (дата обращения: 13.07.2024).

⁵ COVID-19 and the digital divide. UK Parliament. 17.12.2020. URL: <https://post.parliament.uk/covid-19-and-the-digital-divide/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶ Improving the well-being of older persons in the era of digitalisation: Council adopts conclusions. Council of the EU. Press release. 12.10.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/12/improving-the-well-being-of-older-persons-in-the-era-of-digitalisation-council-adopts-conclusions/> (дата обращения: 12.07.2024).

Рис. 2

Разница в долях молодых (16 – 24 года) и пожилых (55 – 74 года) людей, пользующихся Интернетом. ЕС*, 2023 г., п.п.

* без Ирландии, Кипра и Мальты.

Источник: OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier.

Для получения достоверной картины современного цифрового неравенства и цифровой бедности необходимо отслеживать ситуацию в группе 75 лет и старше. Однако верхняя возрастная планка при сборе официальных данных для расчетов Европейского индекса цифровой экономики и общества (*Digital Economy and Society Index, DESI*) составляет 74 года.

На взаимодействие пожилых людей с Интернетом могут влиять разные факторы. Один из основных – самовосприятие человека в старости и его понимание необходимости выстраивания взаимоотношений в социуме. Чем старше человек, тем сложнее ему выйти за пределы своего хронотопа, т. е. преодолеть границы времени и пространства, в которых он привык существовать. В привычном мире Интернет может не иметь ника-

кой ценности или даже представлять опасность. Пожилые люди могут страдать технофобией, бояться компьютеров, сотовых телефонов, возможностей искусственного интеллекта. Негативную роль играют СМИ, распространяющие различные конспирологические теории.

Образование. В цифровом мире образование – преимущество для людей любого возраста. Малообразованные пожилые люди наименее приспособлены к жизни в сетевом обществе. Рисунок 3 показывает, как распределяются страны по величине разрыва в использовании Интернета лицами с разным уровнем образования. Самые низкие значения (1,5 – 3 п.п.) наблюдаются в Люксембурге, Нидерландах и Дании. К ним примыкают Финляндии, Эстонии и Швеции. Самые высокие (30 п.п. и более) – в Словакии, Греции, Болгарии и Хорватии. С 2011 по 2021 г. доля лиц в возрасте от 55 до 75 лет с низким уровнем образования, пользующихся Интернетом, в странах – членах ЕС утроилась. Однако диспропорции между высоко- и малообразованными сохранились. В 2021 г. Интернетом пользовались в течение предыдущих 12 месяцев 96% пожилых людей с высоким уровнем образования и 61 % – с низким¹.

Гендерный цифровой разрыв. Различия в пользовании Интернетом по признаку пола в ЕС выражены достаточно слабо. Во многих государствах-членах (Литва, Эстония, Франция, Венгрия, Польша, Испания) женщины выходят в Сеть чаще, чем мужчины. В сфере занятости разрыв начинает формироваться на стадии обучения. Несмотря на то что 54% студентов высших учебных заведений в ЕС – женщины, они составляют около четверти, изучающих ИКТ. В 2021 г. доля женщин – выпускников по специальностям, связанным с информационными и коммуникационными технологиями, и работников в этом сфере составила 19%².

В 2023 г. в ЕС базовыми цифровыми компетенциями располагали больше молодых женщин, чем мужчин. Однако среди людей в возрасте 45 лет и старше ситуация была обратной³. Низкие навыки работы с ИКТ в старости фиксируются как среди мужчин, так и среди женщин, но контраст между женщинами различных возрастных групп выражен сильнее. Доля молодых женщин (25–34 года), владеющих как минимум базовыми цифровыми навыками, почти в три раза превышала долю пожилых (65–74 года). У мужчин этот показатель различался в два раза⁴.

Цифровой разрыв, связанный с местом проживания. Наиболее ярко он может проявляться в странах, где существуют территориальными диспропорциями в социально-экономическом развитии. Так, в Италии сохраняется отставание в уровне охвата населения Интернетом южных областей от высокоразвитых. Этот разрыв – одна из возможных причин того, что третья по величине экономика ЕС занимает 18-е место в европейском рейтинге «Цифровая экономика и общество» 2022 г. В Британии самый высокий уровень цифровой бедности в начале текущего десятилетия характерен для Северной Ирландии. В Уэльсе, отстающем по душевому ВВП и уровню занятости от средних по-

¹ Fundamental rights of older people: ensuring access to public services in digital societies.

² Digital Byte on the digital gender divide. European Education Area. 25.04.2023. URL: <https://education.ec.europa.eu/es/news/digital-byte-digital-gender-divide> (дата обращения: 15.07.2024).

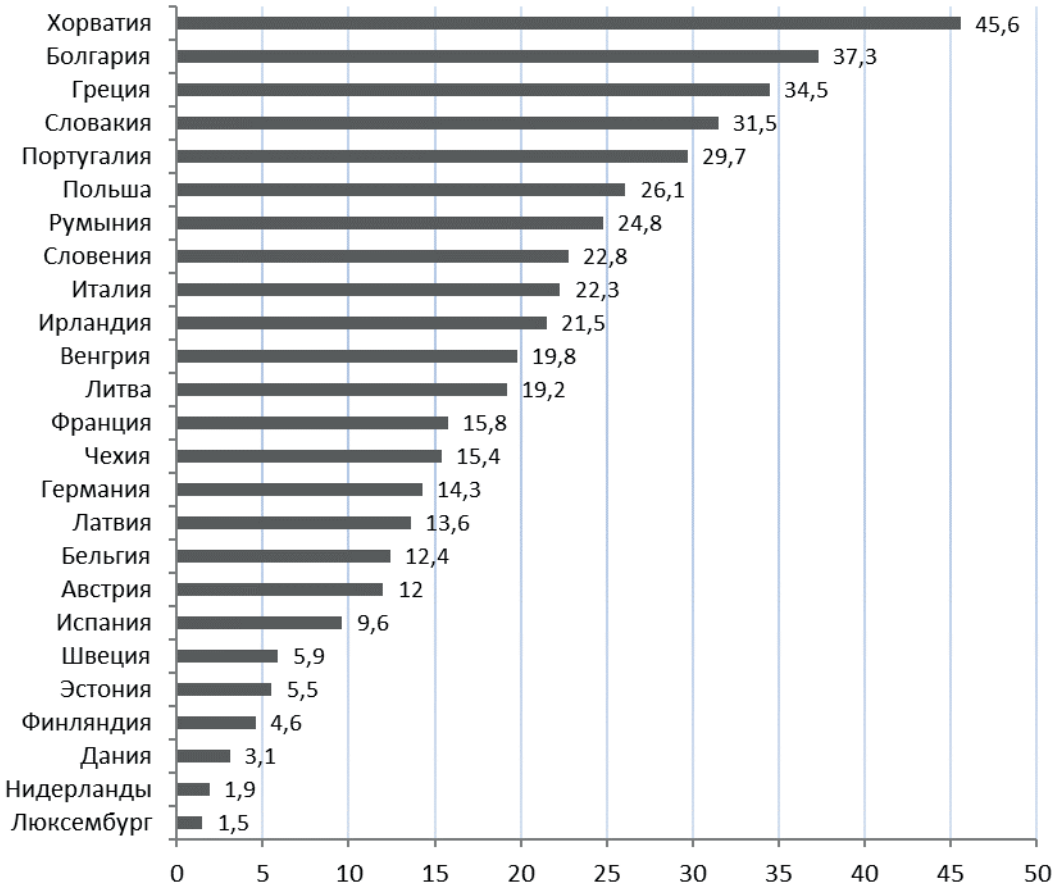
³ Skills for the digital age. Eurostat. 04.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Skills_for_the_digital_age&oldid=627686#The_digital_divide (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Digital skills in 2023: impact of education and age. Eurostat. 22.02.2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240222-1> (дата обращения: 15.07.2024).

казателей по стране, наблюдалась самая низкая доля людей, владеющих полным набором цифровых навыков и не пользующихся Интернетом¹.

Рис. 3

Разница в долях пользователей Интернетом с высоким и низким уровнями образования. ЕС* . 2023 г., п.п.

* без Кипра и Мальты.

Источник: OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier.

Кроме того, существует цифровой разрыв между городскими и сельскими районами. По оценкам Еврокомиссии, в середине 2022 г. охват сельских районов высокоскоростным Интернетом достиг 72,9%, что по-прежнему на 18,5 п.п. ниже среднего показателя по ЕС². Только 46% людей, проживающих в преимущественно сельской местно-

¹ COVID-19 and the digital divide.

² Broadband Coverage in Europe 2022. Mapping progress towards the coverage objectives of the Digital Decade. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. 222 p. DOI: 10.2759/909629

сти, владеют по крайней мере базовыми навыками работы с ИКТ, тогда как в городах этот показатель составляет 61%¹. Это значит, что сельские жители не могут воспользоваться услугами с высокой социальной значимостью, такими как телемедицина или онлайн-образование, что препятствует экономическому росту и ограничивает социальные связи, доступ к культурным ресурсам и негативно сказывается на качестве жизни.

Различия наблюдаются и внутри городов. В неблагополучных районах качество подключения к Сети низкое и доступ к технологиям более ограничен. В наихудшем положении оказываются те же группы: пожилые люди, лица с хроническими заболеваниями, малообразованные. Удаленная работа затруднена, поэтому у жителей меньше возможностей для трудоустройства. В менее развитых регионах субнационального уровня, сельских поселениях, неблагополучных районах больших городов цифровое неравенство и цифровая бедность проявляются наиболее ярко.

Заключение

На заре цифровой эры казалось, что Интернет сделает общество более справедливым и сплоченным. Спустя десятилетия стало очевидно, что эти надежды не оправдались. В результате цифровой революции произошло удвоение реальности. Многие явления, относившиеся к привычному для человека реальному миру, получили зеркальное отражение в цифровой среде. Реальность и цифровое взаимодействуют и создают гибридные формы. Цифровая бедность, понимаемая как ограниченные по тем или иным причинам возможности в доступе к различным онлайн-сервисам и новым видам коммуникации, выступает крайней формой проявления цифрового неравенства. Неравноправные в цифровом отношении общества наиболее уязвимы перед угрозой бедности. Устойчивость бедности и неравенства свидетельствует о том, что их цифровые формы выступают значимой социально-экономической проблемой, решение которой займет долгое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вартанова Е, Гладкова А. (2021) Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений. *Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика*. № 1. С. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329

Вартанова Е.Л. (2018) Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы. *МедиаАльманах*. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalma

Говорова Н. (2021) Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19. *Общественные науки и современность*. № 3. С. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6

Лункин Р.Н. (2023) Социальное неравенство в современном обществе риска. *Современная Европа*. № 7. С. 176–191 DOI: 10.31857/S0201708323070148

Barrantes Cáceres R. (2007) Digital Poverty: Concept and Measurement, with an Application to Peru. Kellogg Institute for International Studies. Working Paper No. 337. 34 p. URL: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/337_0.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

Friemel Th.N. (2014) The digital divide has grown old: Determinants of a digital divide among seniors. *New Media & Society*. Vol. 18. No. 2. P. 313–331.

¹ Digital Economy and Society Index (DESI) 2022. P. 24. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-economy-and-society-index-desi-2022> (дата обращения: 15.07.2024).

Gómez D.C. (2018) The Three Levels of the Digital Divide: Barriers in Access, Use and Utility of Internet among Young People in Spain. *Interações Sociedade e as novas modernidades*. No. 34. P. 64–91. DOI: 10.31211/interacoes.n34.2018.a4

Mason Sh.M., Hacker K.L. (2003) Applying Communication Theory to Digital Divide Research. *IT&Society*. Vol. 1. No. 5. P. 40–55.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*. Vol. 35. No. 8. P. 2366–2375.

Ragnedda M. (2020) *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*. Palgrave Macmillan. 121 p. DOI: 10.1007/978-3-030-49079-9

Ragnedda M., Muschert G.W. (2015) Max Weber and Digital Divide Studies?: Introduction. *International Journal of Communication*. No. 9. P. 2757–2762.

Ragnedda, M. (2017) *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge, N.Y., USA. 128 p.

Van Deursen A.J.A.M., Van Dijk J.A.G.M. (2019) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. *New Media & Society*. Vol. 21. No. 2. P. 354–375. DOI: 10.1177/1461444818797082

Inequality and Poverty in the Digital Age

N.V. Goffe

Candidate of Sciences (Economics)

Leading Researcher of Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences (IMEMO). 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: nina-goffe@yandex.ru

Abstract. As a result of the technological revolution, there is a doubling of the reality in which modern man operates. Many resources, activities, public and private services are moving to a virtual environment. Along with the phenomena of the surrounding world that are familiar to people, their digital varieties arise, closely interacting with their real-life counterparts. The article is devoted to digital inequality and digital poverty, the evolution of approaches to their study in domestic and foreign academic literature. It is concluded that the theories explaining their existence organically complement each other, giving an idea of the necessary and sufficient conditions for full human participation in the life of a network society. The coverage of different segments of the population with new technologies was not uniform. Special attention is paid to the factors preventing vulnerable segments of the population within the European Union from taking full advantage of technological innovations and fully participating in society. The division of society into digitally engaged and outsiders is a big social and political problem that humanity will have to deal with in the 21st century.

Keywords: digitalisation, digital divide, digital inequality, digital poverty, vulnerable segments of the population, the European Union

DOI: 10.31857/S0201708324060160

REFERENCES

Barrantes Cáceres R. (2007) *Digital Poverty: Concept and Measurement, with an Application to Peru*. Kellogg Institute for International Studies, Working Paper No. 337. URL: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/337_0.pdf (accessed: 15.07.2024).

Friemel Th.N. (2014) The digital divide has grown old: Determinants of a digital divide among seniors, *New Media & Society*, 18(2), pp. 313–331.

Gómez D.C. (2018) The Three Levels of the Digital Divide: Barriers in Access, Use and Utility of Internet among Young People in Spain, *Interações Sociedade e as novas modernidades*, 34, pp. 64–91. DOI: 10.31211/interacoes.n34.2018.a4

Govorova N.V. (2021) Bednost' i neravenstvo: vy'zovy' pandemii COVID-19 [Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic], *Social Sciences and Contemporary World*, 3, pp. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6 (In Russian).

Lunkin R.N. (2023) Social'noe neravenstvo v sovremennom obshchestve riska [Social Inequality: The Modern Risk Society], *Contemporary Europe*, 7, pp. 176–191. DOI: 10.31857/S0201708323070148 (In Russian).

Mason Sh.M., Hacker K.L. (2003) Applying Communication Theory to Digital Divide Research, *IT&Society*, 1(5), pp. 40–55.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital, *Telematics and Informatics*, 35(8), pp. 2366–2375.

Ragnedda M. (2020) *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-49079-9

Ragnedda M., Muschert G.W. (2015) Max Weber and Digital Divide Studies?: Introduction, *International Journal of Communication*, 9, pp. 2757–2762.

Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge, N.Y., USA.

Van Deursen A.J.A.M., Van Dijk J.A.G.M. (2019) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access, *New Media & Society*, 21(2), pp. 354–375. DOI: 10.1177/1461444818797082

Vartanova E. L. (2018) Konceptualizaciya cifrovogo neravenstva: osnovny'e etapy [Conceptualization of digital inequality: the main stages], *MediaAl'manah*, 5, pp. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalma (In Russian).

Vartanova E.L., Gladkova A.A. (2021) Cifrovoe neravenstvo, cifrovoj kapital, cifrovaya vklyuchennost': dinamika teoreticheskix podxodov i politicheskix reshenij [Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, pp. 3–29. (In Russian).